

Н. И. Тарасова

«АССАМБЛЕЯ – СЛОВО ФРАНЦУЗСКОЕ».
КОСТЮМ, ЗАСТОЛЬЕ, МУЗЫКА ПРИ РУССКОМ ДВОРЕ. 1717–1725 гг.

Значение Второго путешествия царя Петра Алексеевича на Запад для перенесения на российскую почву европейских обычаев трудно переоценить. И хотя в этот довольно короткий отрезок времени монарх был гостем многих королей, герцогов и принцев, которые по-разному, в меру своей щедрости и возможностей, устраивали официальные приемы, торжественные застолья, балы, прогулки в садах и парках, посещения «куншт-камер», охоту, наибольшее впечатление на него произвела Франция. Страна, которая играла серьезную роль в его военно-политических планах, страна, чья мода была безоговорочно принята русским царем за эталон и законодательно «рекомендована» для следования в ее фарватере, стала главным ориентиром для Петра в его стремлении придать Русскому двору европейский блеск.

Изучение документов, мемуаристики и научной литературы позволяет говорить о том, что к встрече с Францией царь был подготовлен, причем, с позиции человека XXI столетия, весьма тщательно.

Во-первых, государю, как и всей российской делегации, обновили гардероб костюмами «французского покрою». Это свидетельство понимания Петром важности быть одетым по моде именно в Париже. Расходные книги изобилуют сведениями о покупках Петру I в конце 1716-го и первой трети 1717 г. кавалерских лент, дюжин «платков шелковых большой руки», дюжин чулок полушелковых, гарусных английских и нитяных тонких¹, штофа и тафты для изготовления роскошного халата-шлафора. 15 марта (ст. ст.) в Гааге было «заплачено портному за дело его величеству платья дикова (серого. – Н. Т.) с позументом и за мелкий приклад: шелк, клеенку (род тафты. – Н. Т.) и прочего, всего 15 гульденов»². Петру покупают новые парики и переделывают старые³.

Во-вторых, царь поправляет свое здоровье на водах, а 19 марта (ст. ст.) 1717 г. посещает в Гааге «аптекаря, который его величеству зубы чистил», и платит ему за услуги значительную сумму – 15 червонных⁴.

Наконец, принятые в Европе правила поведения в высшем обществе «отрепетированы» российской делегацией во время торжественных приемов, обедов, танцевальных вечеров у королей Дании, Польши, Пруссии, у герцога Мекленбургского, курфюрстов Ганноверского и Бранденбургского, епископа Варминского, маркиза де При, у бургомистров больших и малых городов⁵. В «Походном журнале» в 1716-м и в начале 1717 г. перечисляются более 50 подобных событий, отмечается участие Петра и Екатерины в ассамблеях, посещение ими комедии, в том числе «комедии арликин» (12 раз) и оперы.

В перечне монарших развлечений можно найти и нелюбимые Петром I охоты (3 раза), где царь показал меткую стрельбу и подстрелил несколько оленей и кабанов⁶.

Итак, 26 апреля (7 мая) 1717 г. бодрый (если только можно быть бодрым при таких чудовищных нагрузках и постоянных переездах) и красивый царь появляется в Париже и довольно скоро оказывается втянутым в круговорот жизни самого пышного европейского двора.

Как известно, французы, с которыми он встречался, по-разному оценивали внешний вид высокого гостя из «Московии». Кто-то писал о том, что «платье на нем самое простое, французского покрою»⁷, кто-то прямо заявлял, что царь «плохо одет»⁸, кто-то делал вывод о Петре как о достаточно посредственном человеке только потому, что он «всегда носил коричневую одежду и был плохо причесан»⁹. Кто-то, как маркиз Ф. Данжо и герцог Сен-Симон, отмечал, что при всей простоте одежды вид царя свидетельствовал о его величии¹⁰. Действительно, Петр мог предстать в темном кафтане с полотняным воротником, в коротком, круглом и не напудренном парике, без манжет, перчаток, шляпы и трости. Этот костюм впоследствии парижские щеголи назовут «костюмом дикаря» и будут считать особым шиком появление на улице в подобном одеянии. Конечно, никто из них не задавался вопросом: удобно ли в парчовом или бархатном жюстокоре с кружевными манжетами и длинным галстуком-краватом, в алонжевом парике, со шляпой и тростью в руках не просто интересоваться, к примеру, устройством мануфактуры Гобеленов и техникой ткачества или изготовлением медалей на Монетном дворе, а самому пробовать себя в том или ином ремесле?

При этом во время официальных церемоний царь выглядел отменно. Особое внимание было уделено встрече с Людовиком XV, на которой Петр I появился в голубом кафтане с узким серебряным шитьем¹¹.

Во Франции гардероб Петра неоднократно пополняли новыми костюмами, тканями и аксессуарами¹². Особенно часто его величеству покупали чулки. В расходных книгах зафиксированы также покупки отличного голландского сукна для пошива епанчи и кафтана и золотой парчи на парадный костюм (на сумму 280 ливров 13 штиверов); у парижского купца Карла Деллафрене (Delafrenaye) была приобретена трость с золотой головкой и с лентой, «табашной ларец» и всякие другие мелочи¹³. Скорее всего, покупки были связаны и с многочисленными визитами, и с желанием иметь как можно больше эталонной одежды и аксессуаров по возвращении в Россию.

Петр неоднократно посещал лавки, где продавались ткани, ленты и кружева, в том числе знаменитый парижский магазин Эдма Кале «У испанского короля» близ Нового моста¹⁴. Царь не забыл о подарках Екатерине Алексеевне: ей купили «куски» шелка, штофа и парчи, юбки, шесть платьев из тафты «цытронного» и белого цвета, шарфы, ленты на сумму более 4400 ливров¹⁵; были также куплены чулки и ткани для дочерей Анны и Елизаветы и царевича Петра Петровича. Дорогой подарок в виде отреза парчи на кафтан и камзол стоимостью более 822 ливров был приготовлен и для князя А. Д. Меншикова¹⁶.

Значительные суммы, в итоге намного превысившие «костюмные» траты царя, были израсходованы на новомодные платья для петровского окружения во Франции. Расходные записки рисуют картину постоянного пополнения гардеробов не только первых лиц свиты П. П. Шафирова, А. И. Остермана и особенно генерал-лейтенанта И. И. Бутурлина, но также шута Лакосты, карлика Луки Честихина, лекаря Яна Фейля, кухмистра Яна Фельтена, пивовара Ильи Семенова, денщиков и сержантов охраны¹⁷.

Царь спокойно относился к этим расходам, понимая, что в Россию, и прежде всего в Петербург, вернется целый отряд «живых манекенов».

Свидетельства о пребывании Петра и его сподвижников во Франции погружают нас в невероятно насыщенную событиями жизнь. Важнейшей ее частью была организация питания. По пути в Париж стол Петра I оплачивала французская сторона, а приготовлением еды непосредственно занимались повар Я. Фельтен и пивовар И. Семенов. Камер-юнкер французского королевского дома де Либуа сетовал на то, что царский повар «...под предлогом двух или трех тарелок кушанья, которые он приготовляет ежедневно для его величества, берет говядины и даже вина столько, сколько потребовалось бы для восьми человек», а также на то, что, когда царь обедал один в своих комнатах, его вельможи «...если украдкой припасы, взятые без всякой меры и приличия...»¹⁸. Де Либуа предлагал использовать голландский порядок организации питания гостей, который предусматривал более чем скромный рацион.

Как известно, высшие чины свиты занимали в Париже отдельные квартиры и сами оплачивали свое жилье, «дрова и кухню», правда, деньги на расходы они получали из кабинетских сумм. Столом Петра Алексеевича в Париже и в королевских резиденциях ведал первый метрдотель Луи Санген де Ливри, а «повседневное услужение царю и кормление... гостей было поручено Луи Франсуа де Вертону»¹⁹, к которому русские прониклись большим уважением. Я. Фельтен готовил Петру два-три блюда; де Либуа отмечал, что по пятницам и субботам царю готовили постную еду, что монарх любит пеклеванный хлеб, горошек, соусы с пряными травами, ест много фруктов (апельсины, груши, яблоки), пьет анисовую водку, легкое пиво и вино Ньюи (но не сладкое) и не употребляет шампанское²⁰.

Обедая в королевских резиденциях и во дворцах вельмож, Петр I и его свита приобщались к высокой французской кухне, становление которой относится к эпохе Людовика XIV. В это же время начинается оформление столового этикета, принятого позднее всеми европейскими дворами и определившего набор посудных форм и состав сервизов²¹. Главным источником кулинарных рецептов и информации о сервировке и правилах застольного этикета были знаменитые поваренные книги: «Французская кухня» Франсуа Пьера де ля Варена (1651) и «Французский садовник» Николя де Бонифона (1651); выдержавшая несколько изданий «Новая поварня» Франсуа Массьяло (1691), повара брата короля – герцога Шартрского²².

Источники не упоминают о каких-либо трудностях, испытанных Петром I во время трапез в королевских резиденциях. Возможно, и застольный этикет не отличался строгостью. Фернан Бродель считает, что известные brutальные замашки герцога Орлеанского утверждению правил хорошего тона никак способствовать не могли и только к концу Регентства можно говорить о возобладании правил хорошего тона за столом²³.

По мнению крупнейшего отечественного исследователя истории фарфора и столового этикета Н. В. Сиповской, «трудно сказать, насколько в действительности был повинен регент... короля в неопрятности застольных манер. Известно, что жесткий регламент банкетов и их оформление не влияли на поведение за столом. Сам процесс поглощения пищи происходил весьма непосредственно. Если судить по руководствам тех лет, то поражающие воображение советы из „Юности честного зеркала...“ о „несморкании“ за столом, о том, что негоже складывать кости на скатерть и вытирать о нее

жирные руки, вполне согласуются с современными европейскими нравами. Более того, те же советы содержались в вышедших полвека спустя (в 1766) в Страсбурге „Основах политеса для благородных дворян...“, написанных господином Прево²⁴.

Только в начале XVIII в. за трапезой стали использовать индивидуальные тарелки и приборы. Особенно долго не могла прижиться во Франции вилка, появившаяся, как известно, в Италии в XVI столетии. Король Людовик XIV в конце своего правления открыто протестовал против попыток герцога Бургундского и его братьев пользоваться вилами²⁵, которые станут обязательным предметом на европейских столах лишь к 1720-м гг. В XVIII в. сохраняются два варианта их размещения при сервировке: старый испанский, когда вилка и нож лежат вместе справа от тарелки, и новый французский – тот, что принят теперь. Россия так же, как и Италия, обгоняя французский столовый этикет, вошла в XVIII в. уже «вооруженная» вилкой, хорошо известной при дворе московских царей. И Петр I, вероятно, немало удивлял европейцев своим умением ловко обращаться с приборами.

Немаловажное значение для царя имело его участие в популярных среди европейской аристократии ассамблеях. Князь Б. И. Куракин в 1706 г. упоминал об «осомбеях» в Гааге на пасхальных праздниках, которые устраивают многие горожане²⁶. Особое условие проведения такого праздника – присутствие хозяйки ассамблеи. «Если же не было у „честной мужской персоны... жены или дочери или какой-нибудь свойственницы“, то ассамблея оказывалась невозможной и устраивался только бал»²⁷. За год до посещения Парижа, 8 (19) марта 1716 г., Петр вместе с Екатериной, царевной Екатериной Иоанновной и герцогом Мекленбургским уже присутствовали в Гданьске на ассамблее у епископа Варминского²⁸.

Французскую ассамблею во времена Людовика XIV можно представить по хорошо известным каждому исследователю Петровской эпохи запискам Андрея Матвеева. В 1705 г. дипломат писал о том, что не только «у всех принцесс крови королевской», но и «у всех благородных фамилий в Париже бывают собрания (как по-французски называются ассамбле и концерты)», на которые могут приходиться «честные и знатные» французы и иностранцы, и где в одном обществе вращаются и принцы, и послы, и министры. «Ни встреч, ни проводов там николи никому не бывает, кто коли хочет приедет и отъедет по своей воле». На ассамблеях, разъяснял Матвеев, «бывают музыки розныя и танцы, и игры в карты». «Если же кто не играет в карты, тот свободен есть в то время с кем сидеть и разговаривать без всякого подозрения». Уже тогда многие карточные игры, которые нравились французским дамам, были «вельми убыточные» и запрещены «публичным королевским указом». В связи с этим игры в карты устраивались в домах иностранцев, куда съезжалась азартная публика. Андрей Матвеев также с восторгом описал карнавалы и балы, «где великое собрание людей бывает». Период этих увеселений в Париже и во всей Франции начинался в первых числах февраля и продолжался пять-шесть недель; в один день в домах французских вельмож и иностранных дипломатов могли устраиваться по 30–40 балов. В одни дома гости приходили «в особах своих» (открыто), в другие же – «с машкарами» (в масках), под которыми скрывались как «высокие принцы», так и «подлые люди»; на маскараде появлялись без объявления, танцевали и уходили. Бальные залы освещались множеством свечей («для великих светлостей»), гостей угощали «конфектами», фруктами и винами. Восхищение вызывали одежды «пребогатая розных мод», особенно на дамах из благородных фамилий²⁹.

Петр «пропустил» сезон балов и маскарадов во Франции, однако с приемами в аристократических домах и встречами с широко образованными людьми, тонкими знатоками искусства, литературы, театра, музыки ему повезло больше. Несомненно, русский царь был поражен тем, как вели себя в обществе знатные француженки, одетые в модные платья, как они держали себя в разговорах на разные темы, как танцевали, пели и играли на музыкальных инструментах. В это время во дворцах звучали мелодии Ж.-Б. Люлли, сонаты Ф. Куперена, сюиты и пьесы для клавесина Ж. Ф. Рамо, Ж. Ш. де Шамбоньера, Ж. А. д'Англебера, М. А. Шарпантье, А. Кампра и других композиторов блестящей эпохи барокко.

Одним из самых ярких событий Второго путешествия стало празднование 45-го дня рождения Петра I, устроенное в саду Марли королевским метрдотелем де Вертоном с музыкой, танцами, иллюминацией и фейерверком.

Очевидно, что все эти европейские увеселения – приемы, балы, музыкальные вечера с обязательным участием прекрасных дам – пришлись по вкусу русскому царю, не лишенному музыкального слуха и голоса, обладавшему не только танцевальными способностями, но и, по замечаниям некоторых современников, задатками хореографа.

Вернувшись в Россию, Петр подписал указ, известный, как «Объявление генерал-полицейстера Девьера 26.11.1718, № 3246 „О порядке собраний в частных домах, и о лицах, которые в оных участвовать могут“», которое начиналось словами: «Ассамблея слово Французское, на Русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать: вольное, в котором доме собрание или съезд делается, и не только для забавы, но и для дела...»³⁰

Заметим, что указ был объявлен только в ноябре 1718 г., спустя почти полтора года после возвращения Петра I из Парижа. С чем это могло быть связано? Наблюдательные иностранцы подметили уже в Кроншлоте в октябре 1717 г., что возвращению царя не все были рады: «некоторые лица» были весьма испуганы, ожидая «упреков за свои бесчестные действия» (Анри де Лави)³¹. Посланник Ганновера Фридрих Христиан Вебер вторит французскому дипломату: «Возвратившийся... из чужих краев, Царь до конца года неутомимо занимался исправлением беспорядков, вкравшихся в дела во время его отсутствия, и наказанием зачинщиков оных. Для сего он каждодневно ездил к 4-м часам утра в Сенат и самолично рассматривал обвинения и оправдания сторон. Постоянно вскрывались преступления, более тяжкие, чем предполагалось вначале...»³² За наведением порядка в вопросах экономических последовало дело царевича Алексея. (Какие уж тут ассамблеи!)

Но в Петербурге ожидали перемен и готовились к ним, в числе прочего постигая изданный заранее свод правил поведения в обществе – «Юности честное зерцало». Официальный отчет ассамблеям в России ведется с 26 ноября 1718 г. Однако в источниках можно найти и более ранние даты. Так, еще 11 марта 1714 г. состоялась ассамблея в доме Меншикова по случаю крестин его сына Александра, 17 марта того же года – в доме царевича Алексея³³. «Походный журнал» называет также дату 14 сентября 1718 г. – в этот день состоялась ассамблея в связи с крещением царевны Натальи Петровны³⁴. Первая образцовая официальная ассамблея состоялась 27 ноября 1718 г. в доме князь-папы П. И. Бутурлина³⁵, 2 декабря ассамблею устроили во дворце самого царя, куда прибыли светлейший, «все господа министры и сенаторы и генераль»³⁶.

На ассамблее у вице-адмирала К. И. Крюйса 21 декабря 1718 г. присутствовал французский резидент де Лави, который оставил ее широко известное описание: «Я имел

честь быть вчера на ассамблее у вице-адмирала Крюйса, где присутствовали его Царское Величество с Царицей супругою и множество знатных особ; там находились также посланники прусский и датский и резидент его британского величества от курфиршества Брауншвейг, Люнебург. <...> Такого рода ассамблей устраиваются три раза в неделю, поочередно у знатных придворных. На них одни играют в шахматы или в карты, другие курят, пьют, разговаривают о новостях дня, даже о торговле, так как именитые купцы допускаются на эти собрания. Если кто, когда Царь проходит по комнате, почтительности ради встанет, того подвергают штрафу, т. е. заставляют выпить огромный бокал вина. Съезжаются в 4 часа, разъезжаются в 10 часов вечера. Дамы сидят в отдельном апартаменте, куда к ним иногда призывают для танцев министров и других сановников»³⁷. Ассамблеи в Петербурге, особенно первые, скорее всего, показались бы иностранцам карикатурой на утонченный досуг. И действительно: место проведения назначается царем или обер-полицмейстером (в Санкт-Петербурге), или комендантом (в Москве), да еще и заранее проверяется, а имена гостей записываются. Теснота во всех помещениях: в одной комнате танцуют, в другой беседуют, в третьей играют, в четвертой курят. Музыка, поначалу в исполнении только труб, фаготов, гобоев и литавр, больше годится для военного похода.

Дамы, затянутые в крепкие корсеты, с фижмами и шлейфами, в башмаках на высоких, в полтора вершка (примерно 6,6 см), каблуках, не умели не только легко танцевать, но даже не знали, как им встать и сесть. Бросалась в глаза их любовь к тяжелой роскоши и обилие жемчугов и бриллиантов в волосах, на корсажах и юбках. Движения были скованы высокими прическами и фонтанжами, которые уже вышли из моды во Франции, но в России, несмотря на высокую стоимость, «продержались» вплоть до конца правления Екатерины I. Кавалеров явно стесняли кафтаны с жесткими фалдами, узкие кюлоты, туго натянутые чулки с подвязками, тяжелые башмаки, шпаги, перчатки и алонжевые парики³⁸.

Довершает картину первых петербургских ассамблей могучая фигура царя, для которого ассамблея была не отдыхом и развлечением, а работой: то он бьет в барабан, то весьма настойчиво руководит танцами, то «потчует» провинившихся гостей кубком «Большого орла». Нередко царь предлагал гостям выпить из особых потешных кубков или штофов со словами: «Пей, да не лей». Не все могли догадаться, какие боковые отверстия надо заткнуть или как потягивать вино из стеклянной выдувной фигурки оленя или птицы³⁹.

Впрочем, уже через несколько лет после начала ассамблей камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц отметит и превосходный стол с изысканными винами, и умелый макияж петербургских дам, и даже то, что они «мало уступают немкам и француженкам в тонкости обращения и светскости»⁴⁰. Обязательное присутствие женщин на ассамблеях «...было полным разрывом с московской традицией, одним из самых острых, когда-либо сделанных Петром»⁴¹.

На петербургских и московских ассамблеях не играли в карты, только в шашки, шахматы и на бильярде. Эта привезенная из Франции забава нравилась почти всем. Бильярды были выписаны сначала вельможами, потом содержателями аустерий. Здесь танцевали танцы церемониальные («польский» и менуэт) и английские (англез, аллеманд, контраданс). Между танцами дамам предлагали чай, кофе, мед, варенье, шоколад и лимонад.

Музыку исполняли поначалу в основном пленные шведы, которые также были первыми учителями танцев и европейских манер. Собственные оркестры были у царицы Екатерины Алексеевны и у княгини Марьи Юрьевны Черкасской⁴². Благодаря струнному оркестру герцога Голштинского, прибывшему в Петербург в 1721 г. и имевшему большой успех во всех богатых домах, Россия начнет знакомиться на ассамблеях с произведениями Ж.-Б. Люлли, Ф. Куперена, А. Корелли, Г. Генделя.

По правилам проведения ассамблей следовало подавать лишь легкие закуски, но в хлебосольных дворянских домах предлагали в большом количестве мясные кушанья, «в особенности разного рода жареные». Супы подавали после холодных и горячих блюд⁴³. Традиционным для праздничного стола кушаньем был говяжий студень с чесночным соусом, который готовили из вареных яичных желтков, растертых с горчицей, солью и сахаром, с добавлением уксуса, мелко рубленного чеснока, зеленого лука, петрушки, соленых огурцов, отварной свеклы и соленых грибов. Жареную утку подавали с солеными огурцами и маринованными сливами и непременно с холодным клюквенным соусом или моченой брусникой, а жареного поросенка – с гречневой кашей, смешанной с обжаренной печенью, луком и морковью. В качестве холодной закуски очень популярными были квашеная капуста, соленые огурцы, грузди и соленые лимоны.

Самые богатые ассамблеи, по общему признанию, проходили во дворце светлейшего князя А. Д. Меншикова. Здесь все было «пышнее» (Юст Юль), чем у других вельмож: и хоромы, и костюмы, и трапеза. На столе у князя не переводилась волжская белуга и стерлядь, сельди, сыры, ветчина, копченые языки, оливки, анчоусы из Голландии, вина из Франции и Венгрии. А огромные стеклянные кубки с гравированными на них гербами хозяина явно предназначались для «штрафного» потчевания.

В Петербурге, в отличие от Франции и Европы, ассамблеи проводились и зимой и летом. Статус ассамблей получили собрания, включавшие в себя не только танцы, игры, беседы, но и заимствованные у Тюильри и Версаля прогулки в садах и парках и костюмированные праздники. Ассамблеями могли также называть водные прогулки по Неве на многочисленных судах и суденышках, за неявку на которые Петр требовал заплатить изрядный штраф. Первое, что нарушалось на ассамблеях, – это принцип вольного собрания. Он не будет соблюдаться и впоследствии, однако мало-помалу из атмосферы петровских ассамблей уйдет натянутость и неуклюжесть.

Одним из способов их преодоления, к сожалению, окажется чрезмерное потребление крепких напитков. Французский посланник Жак де Кампредон, приглашенный от имени царя на ассамблею, проходившую на Почтовом дворе 14 марта 1721 г., отметил изящество накрытого стола для дам в отдельном покое, «...куда не входил ни один мужчина, кроме тех, которые прислуживали Царице и ея детям». В зале, где собрались мужчины, посланника поразили три накрытых на 60 кувертов стола, уставленных холодными мясными блюдами. Распорядился ассамблеей светлейший князь Меншиков. Царь сидел рядом с моряками, а светлейший – среди сановников и иностранных «министров». Выделялась группа «мнимых кардиналов», «...которых единственная обязанность состояла в том, чтобы пить много вина-водки и курить табак». Меншиков несколько раз провозглашал тосты и обносил гостей «...большими стаканами венгерского вина, которые надо было пить без милосердия...» «Выходить из-за стола не дозволялось; многие тут же заснули, и я сам не вышел бы живым, если бы не начался великолепный фейерверк, отвлекший внимание...» – заключает де Кампредон⁴⁴.

По наблюдению Фридриха Христиана Вебера, «хотя на асамблеях никому не предлагается вина или водки больше того, сколько кто сам пожелает, кроме случаев (которые нередко повторяются) когда кто поступит в противность установленным правилам; тем не менее иной Русский порядочно напивается и смотрит на учреждение асамблей, как на одно из лучших нововведений в России»⁴⁵. Не следует, однако, думать, что в начале XVIII в. попойки при дворе были исключительно русским явлением. Историк Е. П. Карнович заметил, что «оно господствовало тогда во всей Европе, и даже гораздо позднее в Вене, на балах при императрице Марии-Терезии, были страшные попойки, так что придворный в ее время бал считался благополучно оконченным, если на нем произошло небольшое количество скандалов»⁴⁶.

Петр нередко приглашал на ассамблеи и представителей духовенства. Но вице-президент Синода Феодосий (Яновский) пошел еще дальше, устроив в конце 1723 г. в Донском монастыре в Москве специальную ассамблею для духовенства. «Еретические затеи» Феодосия одобрения, однако, не получили⁴⁷.

После кончины императора ассамблеи в Петербурге практически закончились. Но не навсегда. Они возродятся в несколько измененном виде в царствование Екатерины II, превратившись в «эрмитажи», знаменитые собрания для отдыха от государственных дел, а некоторые пункты правил поведения на них будут просто цитировать указ 1718 г.

...Последнюю в своей жизни ассамблею император Петр Великий посетил в начале 1725 г. в доме вице-адмирала К. И. Крюйса. Как знать, не вспоминал ли тогда монарх события своего Второго европейского вояжа, Париж и изысканные собрания с французским названием «ассамблея», смысл которой, как сказано в Объявлении генерал-полицейстера Девиера, «невозможно выразить одним словом на Русском языке»?

¹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 19, 78.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же.

⁵ См. подробнее: Походный журнал 1716 года. СПб., 1855; Походный журнал 1717 года. СПб., 1855.

⁶ Походный журнал 1716 года. С. 89, 99.

⁷ Путешествие царя Петра Алексеевича во Францию и пребывание в Париже Его Царского Величества // Река времен : книга истории и культуры. М., 1996. Кн. 5. С. 16.

⁸ См.: Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб., 2015. С. 242.

⁹ Там же. С. 246.

¹⁰ Там же. С. 246, 251.

¹¹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 62–70.

¹² Там же. С. 63, 81.

¹³ Там же.

¹⁴ Мезин С. А. Петр I во Франции. С. 73.

¹⁵ Подсчитано по: Мезин С. А. Петр I во Франции. С. 224 и Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. С. 63, 64.

¹⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. С. 68.

¹⁷ Там же. С. 62–70.

¹⁸ Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 34. С. 144, 173.

¹⁹ Мезин С. А. Петр I во Франции. С. 218.

²⁰ Сб. РИО. Т. 34. С. 174, 184, 185.

²¹ Сиповская Н. В. Фарфор в России XVIII века. М., 2008. С. 97.

²² Там же. С. 98.

²³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1986. Т. 1 : Структуры повседневности : возможное и невозможное. С. 205.

²⁴ Сиповская Н. В. Фарфор в России XVIII века. С. 98.

²⁵ Там же. С. 101.

²⁶ Музыкальный Петербург : энцикл. словарь. СПб., 1996. Т. 1 : XVIII век. Кн. 1 : А–И. С. 63.

²⁷ Там же.

²⁸ Походный журнал 1716 года. СПб., 1855. С. 18.

- ²⁹ Русский дипломат во Франции : (Записки Андрея Матвеева). Л., 1972. С. 198.
- ³⁰ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 5. С. 597–598. № 3246.
- ³¹ Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 34. С. 254.
- ³² Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия : новые записки о нынешнем состоянии Московии. СПб., 2011. С. 143.
- ³³ Походный журнал 1714 года. СПб., 1855. С. 16.
- ³⁴ Походный журнал 1718 года. СПб., 1855. С. 19.
- ³⁵ Семенова А. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России : первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 199.
- ³⁶ Труды и Дни Александра Даниловича Меншикова : повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова, 1716–1720, 1726–1727 гг. / публикация С. Р. Долговой и Т. А. Лаптевой. М., 2004. С. 275.
- ³⁷ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40. С. 1–2.
- ³⁸ Зарин А. Е. Царские развлечения и забавы за 300 лет : исторические очерки. М., 1913. С. 85–86.
- ³⁹ Малинина Т. А. О стеклянных кубках и царских застольях // Основателю Петербурга. СПб., 2003. С. 188.
- ⁴⁰ Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725 // Нейстовый реформатор. М., 2000. С. 168.
- ⁴¹ Андерсон М. С. Петр Великий. Ростов-на-Дону, 1997. С. 214.
- ⁴² Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. С. 178.
- ⁴³ Там же. С. 333, 361.
- ⁴⁴ Сб. РИО. Т. 40. С. 167–168.
- ⁴⁵ Записки [Фридриха] Вебера о Петре Великом ... / пер., предисл., примеч. П. П. Барсова // Русский архив. М., 1872. Вып. 7–8. Стб. 1423. В книге Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия : новые записки о нынешнем состоянии Московии. СПб., 2011 этот фрагмент в переводе Д. В. Соловьева с французского издания 1725 г. читается так: «На сих ассамблеях никого не принуждают пить вино, кроме тех случаев, когда нарушаются правила, что, впрочем, случается довольно часто. Многие москвиты пользуются таковой возможностью ублажить себя за счет других» (с. 140).
- ⁴⁶ Карнович Е. П. Ассамблеи при Петре Великом // Древняя и новая Россия. 1877. № 1. С. 83.
- ⁴⁷ Семенова А. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. С. 204.